

*Земцов С.П.,
Михайлов А.А.,
Царева Ю.В.*

Развитие предпринимательства в регионах России: тенденции и факторы в докризисный и кризисный периоды

Малое и среднее предпринимательство (МСП) неравномерно развито в регионах России. При этом негативные тенденции в секторе преобладают последние несколько лет, но особенно сложными условия стали в период пандемии. Определение факторов, определяющих различия между регионами и тенденции развития, значимо для поиска инструментов улучшения ситуации.

По нашим эконометрическим оценкам наиболее значимыми факторами развития малого бизнеса являются доходы домохозяйств, доступ к международным и межрегиональным рынкам и доступность капитала. Плотность малого бизнеса ниже и снижалась в регионах с высоким уровнем преступности. Доступ в Интернет все более значим, поскольку это улучшает доступ к рынкам, а в период эпидемии — способствует адаптации бизнеса. Господдержка в виде налоговых льгот и каникул может иметь положительный эффект, но это влияние ограничено. По докризисным расчетам исходя из изменения факторов число малых фирм в 2020 г. должно было сократиться на 1,54%, но в итоге превысило 5%, иными словами, роль новых факторов была определяющей. В коронакризис сектор МСП пострадал от противоэпидемиологических мер и падения доходов населения, поэтому более сильное сокращение числа субъектов МСП наблюдалось в отдельных крупных агломерациях, северных сырьевых и приграничных регионах. Ниже падение было в регионах с благоприятным бизнес-климатом и проактивными региональными властями, а также в сельскохозяйственных центрах.

Выявленные факторы могут помочь понять возможности и ограничения политики в области предпринимательства.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, пандемия, кризис, коронакризис, цифровизация, факторы

Классификация JEL: R11, R15, L26, C23.

Введение

Предпринимательство, т.е. деятельность по созданию и развитию бизнеса на свой страх и риск путем поиска и освоения новых рыночных ниш — одна из важнейших составляющих экономики России. Малый и средний бизнес занимают около 43% ВВП, бизнес-сектора и 38% занятых [Барина, Земцов, 2018]. При этом поддержка предпринимательства является одним из приоритетов федеральной политики: есть отдельный национальный проект и Стратегия [Барина и др., 2018].

Текущее положение сектора МСП в России неоднозначно [Кудрин и др., 2020; 2021]. С одной стороны, негативные последствия пандемии привели к ухудшению условий ведения предпринимательской деятельности [Виленский, 2020]. Сокращение числа субъектов МСП и общее ухудшение настроений предпринимателей несет риски долгосрочного замедления экономического развития. С другой стороны, последствия пандемии — ускорение автоматизации и цифровизации [Zemtsov, 2020], падение цен на ресурсы — повысили важность сектора с точки зрения общего повышения резильентности экономики к внешним негативным явлениям.

Цель исследования — выявление детерминант развития малого бизнеса в регионах России в докризисный и кризисный периоды. Нас интересовало, как устойчивые региональные различия в доступе к рынкам, капиталу и рабочей силе, институциональные диспропорции, цифровое неравенство, а также меры поддержки влияют на плотность малого бизнеса. Понимание влияния этих факторов в докризисный период может способствовать выработке эффективной посткризисной политики предпринимательства.

Особенности и динамика сектора МСП в России

С 2016 года коэффициент ликвидации фирм (число закрытых в течение года компаний на 1000 существующих) превышает коэффициент их создания [Образцова, Чепуренко, 2021]. Поэтому в 2019 году, еще до пандемии, в секторе МСП были закрыты около 100 тыс. компаний. Данная ситуация была вызвана снижением уровня доходов населения, соответственно, объема платежеспособного спроса, а также ростом налоговой нагрузки: введение онлайн-касс, повышение уровня НДС. В 2020 году на фоне пандемии уровень уверенности предпринимателей снизился до значений кризисного 2015 года.

Российский сектор МСП отличается отраслевой неоднородностью, но уже не является исключительно торговым (рисунок 1). За последнее десятилетие возросла роль наукоемких сервисов, сегмента ИКТ и прочих сервисов.

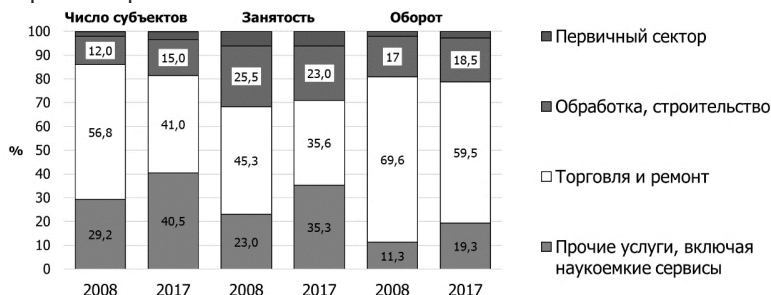

Рис. 1. Динамика изменения структуры сектора МСП в России

Источник: Антонова и др., 2020

Сектор МСП в России отличается и высокой региональной дифференциацией. Различия в устройстве институциональной среды и базовых экономических условиях ведения бизнеса, в том числе природные издержки, привели к формированию разных типов предпринимательских экосистем (рисунок 2).

Рис. 2. Типы предпринимательских экосистем в регионах России

Источник: Бабурин, Земцов, 2019

При этом более 45% субъектов МСП сосредоточены в 10 крупных городских агломерациях: Москва, Санкт-Петербург и прилегающие к ним области, Свердловская, Новосибирская, Нижегородская области и др. Плотность субъектов МСП выше и имеет тенденцию к росту в тех регионах, где есть наличие одного или нескольких факторов (рисунок 3):

Высокий объем платежеспособного спроса: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская область и др.

Легче доступ к капиталу, развитые банковские системы: Республика Татарстан, Тюменская область и др.

Выгодное экономико-географическое положение, облегчающее доступ на внешние рынки: Калининградская область, Приморский край и др.

Улучшались условия для ведения бизнеса, активно действовали региональные институты поддержки МСП: Томская, Белгородская, Калининградская области и др.

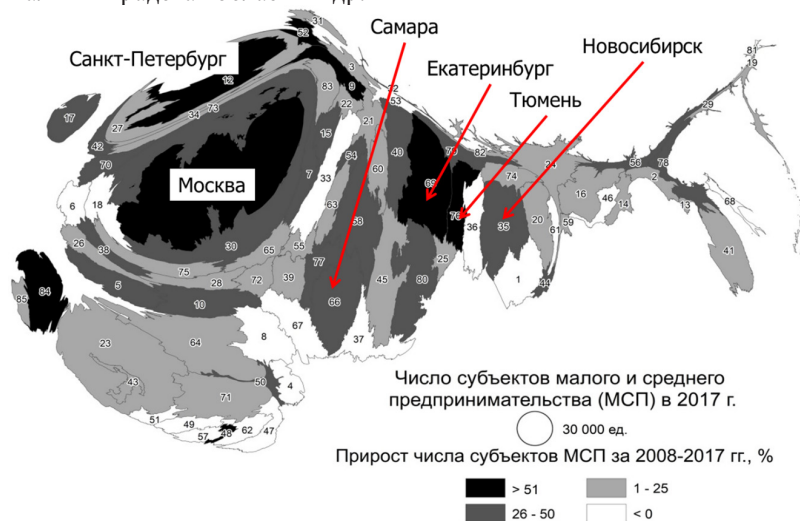

Рис. 3. География малого и среднего бизнеса в России

Источник: Земцов, 2020

Наиболее слабые предпринимательские экосистемы сформировались в ряде регионов с неблагоприятной институциональной средой и/или высокими издержками ведения экономической деятельности: регионы Северного Кавказа, Юга Сибири, Дальнего Востока. Плотность субъектов МСП в большинстве из данных регионов ниже; более того, сформировавшиеся в них предпринимательские экосистемы отличаются меньшей устойчивостью к внешним кризисам, таким как пандемия коронавируса.

Краткий обзор факторов развития МСП

Обычно исследователи выделяют следующие факторы, влияющие на развитие малого и среднего бизнеса:

1. *Спрос на услуги и товары МСП.* Размер и концентрация экономической активности существенно влияют на региональное развитие [Fujitaetal., 2001; Hanson, 2005; Lavrinenkoetal., 2019], так как доступ к рынкам стимулирует развитие массового предпринимательства [Brownetal., 2008; Земцов и др., 2021]. Традиционными показателями местного спроса являются доходы домохозяйств или ВРП на душу населения.
2. *Агломерационные эффекты* как концентрация и разнообразие экономической деятельности порождают новые рыночные ниши [Head, Mayer, 2004]. Высокая плотность населения в крупных урбанизированных ареалах гарантирует высокий спрос и обеспечивает доступ к рынкам, инфраструктуре, рабочей силе, возможность сотрудничества и перетоки знаний [Fritsch & Falck, 2007; Bosma & Schutjens, 2011]. С другой стороны, высокая концентрация увеличивает конкуренцию и создает более высокие входные барьеры.
3. *Предложение и доступ к кадрам.* Уровень безработицы в регионе может отрицательно сказаться на МСП, поскольку он косвенно свидетельствует о негативной экономической ситуации в регионе в целом. С другой стороны, он может увеличить количество малых предприятий, поскольку он повышает предложение рабочей силы и стимулирует вынужденное предпринимательство [Verheuleetal., 2002, Fritsch & Falck, 2007].
4. *Инвестиционные риски.* Благоприятный деловой климат стимулирует продуктивное предпринимательство [Aparicioetal., 2016; Xheneti, Bartlett, 2012; Yakovlev, Zhuravskaya, 2013]. К подобным рискам относятся те, которые определяют вероятность потерять прибыль, бизнес и даже жизнь и сильно связаны с уровнем преступности в регионе
5. *Доступ к финансовым ресурсам.* Многие исследователи [Kuzilwa, 2005; Nielsen, 2014; Aparicioetal., 2016] подчеркивают важную роль доступа к финансам, доступности банковских кредитов для развития МСП.
6. *Политика.* Государственная политика может существенно повлиять на малый бизнес [Spencer, Gómez, 2004; Djankovetal., 2002] через регулирование, налоговые льготы и различные формы прямой поддержки. Но это влияние неоднозначно, поскольку

поддержку могут получать не те фирмы, которые в ней нуждаются, наблюдаются различные «эффекты отбора», возможные иные искажения на рынках [Земцов и др., 2020]. Многие авторы [Aidis, 2005, Klapper et al., 2006, Nielsen, 2014, Djankov et al., 2002, Aparicio et al., 2016, Alvarez, Urbano, 2011] утверждают, что большое число процедур при регистрации и ведении бизнеса отрицательно сказывается на желании потенциальных предпринимателей начать свой бизнес.

7. *Цифровизация*. Внедрение цифровых технологий приводит к значительной минимизации транзакционных издержек за счет электронного документооборота, «уберизации» услуг. Цифровые платформы значительно расширяют возможности выхода МСП на рынок. Например, разработка платформы Alibaba для распространения продуктов позволила создать и расширить миллионы малых фирм по всему миру [Jin & Hurd, 2018].

Факторы развития малого бизнеса в регионах России до пандемии

На основе российских данных нами проверялась значимость указанных в обзоре литературы факторов и закономерностей (таблица 1):

Таблица 1. Результаты оценки факторов предпринимательской активности в регионах России.

<i>Зависимая переменная — число малых фирм на 1000 чел. ЭАН. 83 региона, 2008–2018 гг. Фиксированные эффекты. Все переменные логарифмированы</i>			
Факторы	Переменные	1	2
Спрос на услуги МСП	Доходы населения за вычетом прожиточного минимума, тыс. руб. ВРП на душу населения год назад, млн. руб.	.46*** (.07)	.26*** (.1)
	Рыночный потенциал, или объем доступных рынков, млрд. руб. Плотность населения, чел. на кв. км	.18*** (.04)	.0001** (.000)
Предложение труда	Уровень безработицы год назад, %	0.17*** (.06)	
Институциональные условия	Индекс обеспеченности банковскими услугами		.48*** (.089)
	Число преступлений на 100 тыс. чел.		-.18** (.09)

Господ- держка	Налоговые льготы на одну организацию, тыс. руб.	.02** (.01)	.02*(.01)
	Налоговые каникулы для малых предпри- ятий в регионе (1 — есть, 0 — нет)		.11***(.02)
Доступ к интер- нету	Доля населения с доступом к интернету,%		.17*** (.04)
	Константа	-2,29*** (.07)	2.06*** (.30)
	Within R2	.53	.54

Источник: расчеты авторов. Знаком «*» показаны р-значения: * — 0,1, ** — 0,05, *** — 0,01. В строках, где две переменные, оценки для второй переменной приведены во второй модели

Если ВРП на душу населения в регионе снижается на 1%, то число малых предприятий на одного участника рабочей силы (плотность малых фирм) уменьшатся на 0,26%, для доходов населения эффект — 0,46%. Переменная показывает объем спроса на местных рынках, где большинство субъектов МСП продают свои товары и услуги. Режим самоизоляции, введенный в связи с пандемией коронавируса в апреле 2020 г. и ноябре 2021 г., привели к серьезным потерям для сектора МСП [Кудрин и др., 2021].

Влияние безработицы в том же году не выявлено, но увеличение безработицы на 1% в предыдущем году может привести к росту плотности малых фирм, руководимых вынужденными предпринимателями, на 0,16% в этом году, но в основном в регионах с постоянно улучшающимся доступом к рынкам. Уровень безработицы в России в 2020 г. увеличился на 20% с 4,7 до 5,9% [Кудрин и др., 2021]. В период кризиса центры занятости в России активно предлагали различные программы для открытия бизнеса и обучения предпринимательству. Это могло помочь увеличить число субъектов МСП: на ноябрь 2021 г. рост составил 0,5%.

Представляется, что зарубежные рынки слабо влияют на развитие малых предприятий в таких крупных странах, как Россия, потому что большинство малых фирм ориентировано на местные рынки. Однако снижение рыночного потенциала [Земцов и др., 2021] с учетом влияния глобального рынка на 1% может привести к уменьшению плотности малых фирм на 0,18%, влияние агломерационных эффектов, измеренных через плотность населения, ниже. В 2020–2021 гг. границы

России и большинства стран были закрыты на значительный период времени, что ограничивало возможности экспортно-импортных операций, особенно в сфере услуг. Поэтому кризисы в малом бизнесе приграничных регионов был сильнее (см. далее). Мировая экономика упала на 4,3% в 2020 г., что могло привести к снижению плотности малых фирм на 0,36–0,45%.

Если в регионе индекс доступности банковских услуг на 1% выше, это может привести к увеличению плотности малых фирм на 0,48%. Портфель кредитов МСП в 2020 году вырос на 22,6% по сравнению с 2019 годом — до 5,8 трлн. рублей [Кудрин и др., 2021] из-за потребности малых компаний в средствах для компенсации затрат во время нерабочих периодов. Процентная ставка по кредиту снизилась с 9,12% до 6,4% для малого бизнеса за счет государственных субсидий для банков. Поэтому фактор мог сыграть положительную роль в период коронакризиса.

Низкий уровень преступности помогает построить устойчивую предпринимательскую экосистему, стимулирует выход из теневого сектора: если уровень преступности в регионе ниже на 1%, то плотность малого бизнеса будет выше на 0,18%.

Положительно значима налоговая поддержка. В регионе с налоговыми каникулами плотность малого бизнеса выше на 0,11%. А увеличение суммы налоговых льгот на одну фирму на 1% может привести к увеличению плотности малых фирм на 0,02%. Во втором случае влияние ниже, так как льготы преимущественно направлены на крупные компании, развитие которых в меньшей степени стимулирует создание новых малых бизнесов.

Увеличение на 1% доли домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, может привести к увеличению на 0,17% плотности малых фирм. Онлайн-сфера включает в себя электронную коммерцию, онлайн-сервисы и цифровые платформы для розничных продавцов. Это значение было рассчитано для докризисного периода, когда только 42% фирм использовали Интернет для продажи товаров, а на онлайн-торговлю приходилось менее 2% от объема торговли. Предполагается, что после кризиса 2020 года эти цифры значительно возрастут.

Предложенная нами модель может быть использована для предсказания, описания ситуации в 2020 г. Так, сокращение мировых рынков на 4,3%, российского ВРП — на 3,1%, а доходов домохозяйств — на 3%, должно было привести к 1,54% падению числа малых предприятий без учета положительных факторов (цифровизации, налоговых льгот,

роста кредитования, снижения преступности). Но в реальности их число сократилось по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России на 5,39% на август 2020 г., и на 6,27% к январю 2021 г., то есть влияние новых факторов коронакризисного периода было определяющим, что потребовало дополнительного исследования.

Факторы развития МСП в период коронакризиса

В 2020 году положение МСП в мире стало определяться еще одним фактором — COVID-19 [Laranjaetal., 2020]. Противозидемиологические ограничения оказали сильное негативное влияние. На наиболее пострадавшие и связанные с ними отрасли приходится около 75% от числа всех субъектов МСП [таблица 1]. Столь сильное влияние связано с высокой долей услуг офлайн-формата, наиболее пострадавших как от введения ограничений, направленных на обеспечение социального дистанцирования, так и от сокращения доходов населения. Напрямую пострадали сферы образования, культуры и досуга, гостиниц и ресторанов, а косвенно — торговля, транспорт, строительство и много другие отрасли.

Хотя правительства стремились компенсировать это льготными кредитами, субсидиями на заработную плату, налоговыми льготами и другими мерами, прямая поддержка могла не сработать [Земцов и др., 2020]. В России число МСП уменьшилось на 4,3% в 2020 г, но выросло на 0,5% в 2021 г. [Кудрин и др., 2021].

Таблица 2. Характеристика субъектов МСП наиболее пострадавших отраслей экономики.

Вид деятельности	Число субъектов МСП в 2018 г, тыс.	% от общего числа субъектов МСП
Всего в секторе МСП	5304	100
Наиболее потенциально пострадавшие отрасли	591	11,2
гостиницы и рестораны	135	2,5
образование	26	0,5
культура, спорт, досуг и развлечения	206	3,9
предоставление прочих видов услуг	223	4,2

Отрасли, которые могли пострадать в результате мультипликативного эффекта	3403	64,2
торговля оптовая и розничная; ремонт	2081	39,2
строительство	458	8,7
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	356	6,7
транспортировка и хранение	493	9,3
электро-, газ, пар	13	0,2
Всего затронуты	3994	75,4

Источник: составлено авторами

Достаточно серьезный удар сектор МСП испытал в северных регионах (ЯНАО, НАО, Чукотский АО, Магаданская, Мурманская области, Республики Коми, Карелия и др.) с низкой плотностью малого бизнеса, где более половины субъектов МСП так или иначе были затронуты негативными последствиями пандемии (рис. 4–5). Больше количество фирм здесь ведет деятельность в транспортной сфере, столкнувшейся со снижением мобильности населения и сокращением грузоперевозок. В целом если индекс строгости карантинных мер [Авксентьев и др., 2020] был выше на 1%, то число субъектов МСП сократилось на –0,004 п.п., а если к этому доля потенциально пострадавших и связанных с ними отраслей в числе субъектов МСП была выше на 1%, то сокращение увеличивалось еще на –0,016 п.п. (табл. 3). В южных же регионах рос сельскохозяйственный бизнес благодаря тому, что спрос на продукты сохраняется и в период кризисов.

Так же как в докризисный период, число субъектов МСП меньше сокращалось в регионах с крупными потребительскими рынками: если размер центрального города или доходы жителей были выше на 1%, то сокращение было ниже на 0,01 п.п. (таблица 2). Но во многих крупных агломерациях была выше доля пострадавших сервисов и строже карантинные ограничения [Зубаревич, 2021], что не компенсировалось размером рынка: Москва, Санкт-Петербург, Свердловская, Новосибирская, Нижегородская области (рис 5). Впрочем, в этих регионах выше возможности последующей адаптации через цифровизацию бизнеса и выход в онлайн сектор, выше здесь и доходы населения.

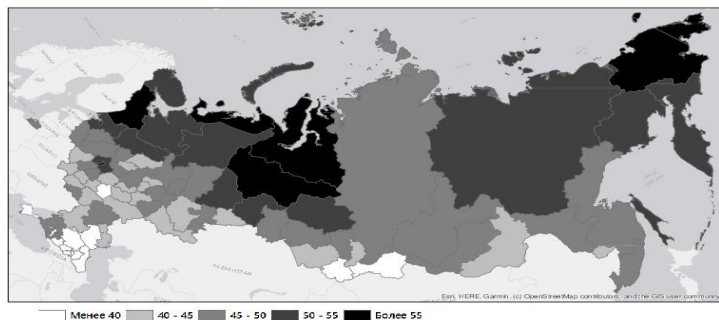
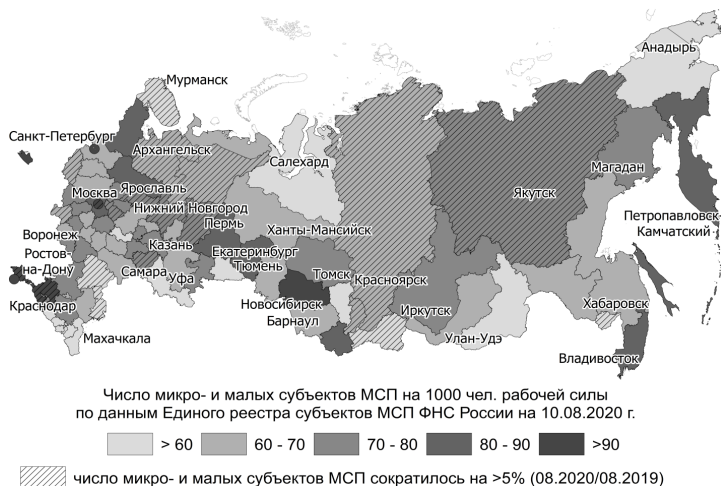

Рис. 4. Доля субъектов МСП отраслей, наиболее подверженных кризисным явлениям и связанным с ними отраслей в общем числе субъектов МСП.

Источник: Земцов, Михайлов, 2020

Негативные изменения достаточно сильно затронули приграничные регионы, пострадавшие от снижения международной мобильности и сокращения товарных потоков (Приморский край, Псковская область). Если рыночный потенциал, оценивающий доступность к зарубежным рынкам, был выше на 1%, то число субъектов МСП снизилось на 0,01% сильнее.

Важно, что в целом сектор МСП меньше сократился в регионах, проводивших до кризиса проактивную политику по улучшению условий бизнес-среды: Калужская, Калининградская, Белгородская, Воронежская области, Татарстан и др. Если индекс инвестиционного климата АСИ в регионе был на 1% выше, то сокращение было ниже на 0,05%.

Число микро- и малых субъектов МСП на 1000 чел. рабочей силы по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России на 10.08.2020 г.

> 60 60 - 70 70 - 80 80 - 90 > 90

число микро- и малых субъектов МСП сократилось на >5% (08.2020/08.2019)

Рис. 5. География малого и среднего бизнеса в России

Источник: составлено авторами

Таблица 3. Результаты выявления факторов динамики числа субъектов МСП в регионах России в 2020 г.

<i>Зависимая переменная: число субъектов МСП в августе 2020 г., в % к августу 2019 г. Модель МНК с поправкой на гетероскедастичность. 82 региона</i>		
Фактор	Переменная	Коэффициент
	Константа	4,45 (0,11)***
Размер сектора МСП (проверка конвергенции)	Число субъектов МСП в январе-сентябре 2019 г., ед.	-0,008 (0,002)***
Спрос со стороны населения	Доходы населения за вычетом прожиточного минимума, тыс. рублей	0,01 (0,003)***
Размер рынка товаров и услуг	Численность населения региональной столицы, человек	0,01 (0,002)***
Ограничения на экспорт-импорт	Рыночный потенциал (в т.ч. ВВП стран мира, деленное на расстояние до них)	-0,01 (0,004)***
Проактивность властей	Индекс инвестиционного климата АСИ, баллов	0,05 (0,01)***
Ковидные ограничения	Индекс строгости карантинных мер, ед.	-0,004 (0,003)*
Подверженность сектора МСП кризису	Доля потенциально пострадавших и связанных с ними отраслей в числе субъектов МСП, в %	-0,016 (0,006)***
Сельскохозяйственные регионы	Доля растениеводства в ВРП, в %	0,002 (0,0004)***
	R2	0,53
	Исправленный R2	0,48

Источник: расчеты авторов [Земцов, Михайлов, 2021]. Знаком «*» показаны р-значения: * — 0,1, ** — 0,05, *** — 0,01.

Заключение

Регионы России серьезно различаются по степени благоприятности условий для ведения бизнеса, типам предпринимательских экосистем. Предпринимательские экосистемы относительно устойчивы, поскольку образуются под влиянием сравнительно инертных факторов — объективных экономических и географических закономерностей: пространственной доступности рынков, природными издержками, агломерационными эффектами, социокультурными нормами. Наиболее развитые предпринимательские экосистемы в Москве, Санкт-Петербурге,

Новосибирске, Белгородской, Калининградской, Самарской областях, Татарстане и др., а наименее развитые — на территориях с высокими издержками ведения бизнеса, таких как Северный Кавказ, Дальний Восток и Арктическая зона.

Предпринимательская активность в России испытывала тенденцию к сокращению еще до начала пандемии: продолжавшееся снижение реальных доходов населения, повышение НДС и введение онлайн-касс создавало негативные предпосылки для деятельности МСП. Необходимость введения мер по самоизоляции и социальному дистанцированию усугубила их положение. Наиболее сильное снижение числа МСП произошло в ряде крупных агломераций, в северных сырьевых и приграничных регионах. Отрицательно на ситуацию повлияли уровень строгости ограничений, доля подверженных ограничениям отраслей, а положительно — уровень доходов населения и инвестиционной привлекательности.

Ситуация в секторе МСП в недостаточной степени отражена в региональной политике. На данный момент уже разработано большое количество отдельных мер, механизмов и инструментов поддержки субъектов МСП, но комплексный подход к работе с предпринимательскими экосистемами не осуществляется. Непредсказуемость отдельных управленческих решений подводила фирмы к уходу в «теневой» сектор экономики. Местные власти также зачастую мало заинтересованы в развитии малого бизнеса, поскольку последний формирует небольшую долю объема налоговых поступлений в бюджет муниципального уровня.

В течение пандемии особое внимание было уделено дополнительной поддержке МСП. До этого времени прямая поддержка охватывала малое число субъектов МСП (2–3%), оказывала слабое влияние на развитие сектора в целом, сопровождавшееся определенным временным лагом. Во время пандемии она значительно увеличилась по объему (не менее, чем в 2 раза) и покрытию (примерно в 10 раз). Общий уровень поддержки был выше в наиболее пострадавших регионах, где финансирование увеличивали региональные власти.

Краткосрочные меры, принятые в период пандемии, в целом соответствовали факторам, выявленным в докризисный период. Так, поддержка спроса МСП осуществлялась через субсидии уязвимым гражданам и рост объема госзакупок у МСП. Выделялись льготные кредиты и снижалась стоимость заемного финансирования. Утверждены налоговые льготы и отсрочки наиболее пострадавшим отраслям, но были проблемы с определением кодов ОКВЭД пострадавших отраслей.

Долгосрочные меры, исходя из наших расчетов, должны включать: полную цифровизацию госуслуг в регионах с одновременным снижением и упрощением отчётности; переобучение и переквалификация безработных на цифровые технологии и предпринимательство; снижение цифрового неравенства через развитие ИКТ-инфраструктуры, обучение населения и субсидии предпринимателям на цифровизацию; поддержка экспорта и снижение соответствующих таможенных барьеров для роста доступности зарубежных рынков.

Zemtsov S., Mikhaylov A., Tsareva Yu.

Development of entrepreneurship in the Russian regions

Small and medium-sized businesses (SMEs) are unevenly developed among the Russian regions. And negative trends in the sector have prevailed over the past few years, but conditions became especially difficult during the pandemic period. Determining the factors of these differences and trends is significant for finding tools to improve the situation.

According to our econometric estimates, the most significant factors of small businesses development are household incomes, access to international and interregional markets, and the availability of capital. The density of small businesses is lower and were decreasing in regions with higher crime rates. Internet access is increasingly important as it improves market access and, during an epidemic, facilitates business adaptation. Government support in the form of tax breaks and vacations can have a positive effect, but this impact is limited. According to pre-crisis calculations, based on changes in factors, the number of small firms in 2020 should have decreased by 1.54%, but eventually exceeded 5%, in other words, the role of new factors was decisive. During coronacrisis, SMEs suffered from anti-epidemiological measures and a drop in household incomes. A stronger reduction in the number of SMEs was observed in the largest agglomerations, northern raw materials and border regions. The decline was lower in regions with a high level of incomes and a favorable business climate (proactive regional authorities).

The identified factors may help to understand the trends and opportunities of entrepreneurship policy in Russia.

Keywords: small and medium enterprises, pandemic, crisis, coronavirus, digitalization, factors.

JEL classification: R11, R15, L26, C23.

Литература

Авксентьев Н. А. и др. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.: РАНХиГС, 2020.

Антонова М. П. и др. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Издательский дом «Дело», 2020.

Бабурин В. Л., Земцов С. П. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования, 2019. № 2, 4–14.

Барина В. А., Земцов С. П. Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // Вопросы статистики. — 2019. — Т. 26. — № 6. — С. 55–71.

Барина В. и др. Выполнение стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономическое развитие России. — 2018. — Т. 25. — № 11. С. 36–45.

Виленский А. В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // Вестник Института экономики РАН. — 2020. — № 4. С. 46–57.

Земцов С. П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации, 2020, 46(2), 168–180.

Земцов С. и др. Рыночный потенциал регионов и развитие предпринимательства в России // География и природные ресурсы, 2021, 42(3), 139–147.

Земцов, С. П., Михайлов, А. А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России, 2021, 28(4), 34–45.

Земцов С. и др. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики, 2020, (10), 44–67.

Зубаревич Н. В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60.

Кудрин А. Л. и др. Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 41). — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.

Кудрин А. Л. и др. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 42). — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.

Образцова О. И., Чепуренко А. Ю. Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 14. № 2. С. 199–211.

Aidis, R. (2005). Institutional Barriers to Small- and Medium-Sized Enterprise Operations in Transition Countries. *Small Business Economics*, 25(4), Doi: 305–318. 10.1007/s11187-003-6463-7.

Alvarez, C. & Urbano, D. (2011). Environmental factors and entrepreneurial activity in Latin America. *Academia. Revista Latinoamericana de Administración*, (48), 31–45.

Aparicio, S., Urbano D. & Audretsch, D. (2016). Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: Panel data evidence. *Technological Forecasting and Social Change*, (102), 45–61. Doi: 10.1016/j.techfore.2015.04.006.

Bosma, N. & Schutjens, V. (2011). Understanding regional variation in entrepreneurial activity and entrepreneurial attitude in Europe. *The Annals of Regional Science*, 47(3), 711–742. Doi: 10.1007/s00168-010-0375-7.

Djankov, S., La Porta, R., López-de-Silanes, F. & Shleifer, A. (2002). The regulation of entry. *The quarterly Journal of economics*, 117(1), 1–37.

Fritsch, M. & Falck, O. (2007). New business formation by industry over space and time: a multidimensional analysis. *Regional studies*, 41(2), 157–172. Doi: 10.1080/00343400600928301.

Fujita, M., Krugman, R. & Venables, A. J. (2001). *The spatial economy: Cities, regions, and international trade*. Cambridge: MIT Press.

Hanson, G.N. (2005). Market potential, increasing returns and geographic concentration. *Journal of International Economics*, 67(1), 1–24. Doi: 10.1016/j.jinteco.2004.09.008.

Head, K., & Mayer, T. (2004). Market potential and the location of Japanese investment in the European Union. *Review of Economics and Statistics*, 86(4), 959–972.

Jin, H. & Hurd, F. (2018). Exploring the impact of digital platforms on SME internationalization: New Zealand SMEs use of the Alibaba platform for Chinese market entry. *Journal of Asia-Pacific Business*, 19(2), 72–95.

Klapper, L., Laeven, L. & Rajan, R. (2006). Entry regulation as a barrier to entrepreneurship. *Journal of financial economics*, 82(3), 591–629.

Kuzilwa, J. (2005). The role of credit for small business success: A study of the National Entrepreneurship Development Fund in Tanzania. *The Journal of Entrepreneurship*, 14(2), 131–161.

Laranja, M., Edwards, J., Pinto, H., & Foray, D. (2020). Implementation of Smart Specialisation Strategies in Portugal: An assessment. *Luxembourg, Publications Office of the European Union*.

Lavrinenko, P. A., Mikhailova, T. N., Romashina, A. A., & Chistyakov, P. A. (2019). Agglomeration effect as a tool of regional development. *Studies on Russian Economic Development*, 30(3), 268–274.

Nielsen, G. (2014). Determinants of Cross-National Entrepreneurial Activity. *The Journal of Politics and Society*, 25(2), 46–72. Doi: 10.7916/D889154V.

Spencer, J.W. & Gómez, C. (2004). The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: a multicountry study. *Journal of Business Research*, 57(10), 1098–1107.

Storey, D.J. (2003). Entrepreneurship, small and medium sized enterprises and public policies. *Handbook of entrepreneurship research*. Springer US, 473–511.

UN. (2021). World Economic Situation and Prospects.

Verheul, I., Wennekers, S., Audretsch, D. & Thurik, R. (2002). Entrepreneurship: Determinants and policy in a European-US comparison. In *An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture*. Springer US, 11–81.

Xheneti, M. & Bartlett, W. (2012). Institutional constraints and SME growth in post-communist Albania. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 19(4), 607–626. Doi: 10.1108/14626001211277424.

Yakovlev, E. & Zhuravskaya, E. (2013). The unequal enforcement of liberalization: evidence from Russia's reform of business regulation. *Journal of the European Economic Association*, 11(4), 808–838/

Zemtsov, S. (2020). New technologies, potential unemployment and 'nescience economy' during and after the 2020 economic crisis. *Regional Science Policy & Practice*, 12(4), 723–743.